

ALTERNATIVNO TUMAČENJE EKONOMIJE

ALTERNATIVE INTERPRETATION OF ECONOMICS

ЮРИЙ МИХАЙЛОВИЧ ОСИПОВ
(Jurij Mihajlovič Osipov)¹
e-mail: yuosipovv@mail.econ.msu.ru

Apstrakt: U radu se objašnjava filozofsko-privredno tumačenje ekonomije, koje se veoma razlikuje od uobičajenih shvatanja koja se nalaze u dostupnim udžbenicima i drugim izvorima akademskog stila. Autor pokušava da odgovori na pitanje šta je ekonomija faktografski, orijentišući se na okružujuću realnost. Polazi od hipoteze da ekonomske aktivnosti pojedinačno i privreda u cjelini nijesu u potpunosti ekonomskog karaktera, nego samo djelimično, u onoj mjeri u kojoj su povezane (posredovane) s cijenama i novcem. Dolazi do zaključka da je savremena ekonomija virtualno-informaciona igra i računaska magija. Virtualno umnožavanje finansijskih sredstava obesmišljava kategoriju vrijednosti i svodi je na apsurdnu multiplikacionu fikciju. Savremena ekonomija je dominantno globalna, bez dna i granica. U njoj caruje monstruozna energija samovolje, koja nije podčinjena ni čovjeku kao subjektu, ni društvenom sistemu. To je ekonomija radi ekonomije, u kojoj ekonomski princip interesno služi samom sebi. Zbog toga je savremena ekonomska euforija izuzetno opasna, jer nezaustavljivo produbljuje i proširuje egzistencijalnu i anti-privrednu jamu čitavog čovječanstva.

Ključne riječi: ekonomija, privreda, novac, cijena.

Abstract: The paper tries to explain the philosophical-economic interpretation of economics, which is very different from common beliefs found in available textbooks and other sources of academic style. The author tries to answer the question about what economics is in terms of factography, oriented toward the surrounding reality. He starts from the hypothesis that economic activities individually and economy as a whole are not entirely of economic nature, but only partly, to the extent to which they are connected (mediated) with prices and money. It has lead to the conclusion that modern economy is a virtual-informational game and computer magic. Virtual multiplication of fundings nullifies the value category and reduces it to the absurd multiplicative fiction. Modern economy is dominantly global, with no bottoms or boundaries. It is ruled by the monstrous energy of self-will not being subjected neither to man as the subject, nor the social system. It is economics for itself, in which the economic principle serves its own interests. Therefore contemporary economics is extremely dangerous, since it unstoppable deepens and expands existential and anti-economic pit of the entire manhood.

Key Words: economics, economy, money, price.

JEL Clasification: A 10; A 14;

Original Scientific Paper, Received: July 10, 2011

¹ Ovaj rad je dio naučne monografije (591 strana) Akademika Jurija Mihajloviča Osipova "Обретенне" (sticanje, akvizicija), koja je objavljena krajem 2011. u izdanju TEIS-a, Moskva, povodom 70-tog rođendana autora. J. Osipov je direktor Centra društvenih nauka pri MGU "M: V: Lomonosov", predsjednik naučnog Filozovsko-ekonomskog saveza, glavni urednik naučnog časopisa "Filozofija privrede", zamjenik Predsjednika Akademije humanitarnih nauka, redovni član Ruske akademije prirodnih nauka, redovni i počasni član 16 inostranih i ruskih Akademija nauka, zaslužni djelatnik nauke Ruske Federacije, autor 17 naučnih monografija i preko četrinsto naučnih članaka, od prvog broja član redakcije međunarodnog časopisa "Montenegrin Journal of Economics" i, kako sam uzvišeno ističe u svim prilikama - veliki prijatelj bratskog crnogorskog naroda. e-mail: yuosipovv@mail.econ.msu.ru ; eszotova@mail.ru.

Все знают, что такое экономика, ибо это... что-то из явно наличного, тутощного, повседневного, рядом происходящего, повсюду случающегося, а главное - совершенно понятного, ибо - чего тут не понять?! - Экономика это... а что, собственно, это?.. Ну... наверное... это производство и потребление благ, необходимых человеку для жизни, для его воспроизводства, совершенствования и развития (и для болезней тоже, надо полагать, и смерти!), как, несомненно, это и организация производства и потребления благ, но в то же время, чего нельзя не упомянуть, это и опосредование производства и потребления благ, как и отмеченного выше процесса организации, бесконечно возобновляющимися купле-продажными сделками, совершаемыми с участием денег и денежных оценок - цен. Что ж, с таким определением, почти что и бытовым, можно было бы даже согласиться и в учёном трактате, если... если не задаться вопросом о том, а что же есть собственно *экономическое* в экономике, коли экономика именуется *экономикой*? - и отвечая на этот вопрос, последовать не в этимологическом направлении, прибегая к переводу с того же греческого, а в фактологическом, ориентируясь не на семантику самого слова «экономика» (домоводство), а на окружающую действительность, этим словом ныне старательно и безоговорочно обозначаемую. В самом деле, что означает «экономическое» в таких словосочетаниях, как *экономический расчёт*, *экономическое отношение*, *экономическая эффективность*, *экономическое обоснование*, если не денежно-финансовый расчёт, денежно-ценовое отношение, денежно-финансовая эффективность, денежно-ценово-финансовое обоснование, не говоря уже о том, что «экономия» для экономиста означает прежде всего и в конечном итоге денежно-финансовую, а не какую-нибудь ещё экономно.

Чем вообще занимается любой экономист? Никакой ошибкой не будет заявить, что экономист занимается по преимуществу деньгами и ценами, принимая по ним соответствующие решения. Всё остальное в том же производстве благ исполняется не экономистами, а разного рода технологами и менеджерами, хотя, один и тот же человек может быть одновременно и экономистом, и технологом, и менеджером, что совсем не мешает всё-таки экономиста почитать за экономиста, технолога - за технолога, а менеджера - за менеджера. Любопытно, что и в чисто экономических (денежно-ценовых) делах находят себе применение те же технологи и менеджеры - уже экономические, а экономисты такого рода в комплексных делах занимаются лишь решениями по поводу денег и цен. Экономиста, короче, не оторвать от денег и цен, от денежно-ценовых решений, от манипуляций с деньгами и ценами. Продавцы и покупатели, оперирующие деньгами и ценами - экономисты, а вот производители как производители и потребители как потребители... (Sic!)... никакие не экономисты. Отсюда выходит, что само по себе производство и само по себе потребление... (Sic!)... не экономика,

а экономикой производство и потребление благ становятся только при опосредовании себя деньгами и ценами, в ходе реализации денежно-ценовых решений, при манипулировании деньгами и ценами.

Возвращаясь к приведённому вначале определению экономики, можно признать, что экономика есть производство и потребление благ, как и организация производства и потребления благ, но с тем непременным условием, что это есть опосредованное деньгами и ценами, их движением, операциями с ними производство и потребление благ, равным образом и организация производства и потребления благ. Выходит, что экономика не охватывает всего производства и потребления благ, а объёмлет лишь какую-то его часть, сопрягающуюся с деньгами и ценами, их движением, операциями с ними, а несколько поиному - к экономике относятся только *оденуженные* и *оцененные* производство и потребление благ, соответственно и оденуженная и оцененная организация производства и потребления благ. Тут всё становится на место, все реальные феномены и их категориальные отражения, что позволяет вполне реалистично, непротиворечиво и целостно представить то действительное, чем является экономика, что называется экономикой и что фактически реализуется именно как экономика.

Если от производства и потребления благ обратиться к вообще хозяйству, для которого производство и потребление благ всего лишь один из частных моментов, ибо жизнеотправление человека включает в себя и производство жизни вообще, и производство самого человека, включая его воспитание, и производство образа бытия, среды обитания, всего искусственного мира, то экономика предстанет уже как, с одной стороны, специфическое *хозяйство денег и цен*, а с другой - как *оденуженное и оцененное вообще хозяйство*, что позволяет сделать вывод, что экономика есть не более чем особого рода хозяйство, частный случай хозяйства, характерная сфера вообще хозяйства.

Что же такое деньги и цены? Сначала о деньгах: это такая вещь (от вест!), она же и благо, способная выразиться во всех остальных - вполне и неденежных - вещах (или вестях), будучи для них всех единообразным и единообразно оцененным эквивалентом, и обеспечить возможность всем неденежным вещам, вступающим в деловые отношения с деньгами, быть произведёнными (призванными деньгами к производству), перемещающимися в пространстве и во времени (через обмен на деньги и в обмен между собой с помощью тех же денег), распределёнными по пространству (через посредство все тех же денег) для производительного и потребительского потребления, наконец - потреблёнными. Деньги - средство, но такое средство, которое, будучи вроде бы лишь *по-сред-ником*, оказывается и *во главе* хозяйственного процесса, становясь незаменимым средством его начала и его хода, всей его текущей реализации - вплоть до временного или полного

завершения. С денег всё в экономике начинается, с деньгами всё совершается и всё в экономике деньгами же завершается: Δ -Т- Δ или Δ -Т- Δ' , где Δ - деньги, Т- товар (благо), а $\Delta' > \Delta$ на d (прибыль). Деньги - действительный и достойнейший управитель хозяйственным процессом, прямо или косвенно попадающим под юрисдикцию денег.

Деньги - величайшее изобретение человека, по преимуществу уже цивилизованного, неприродного, хотя первые денежные инициативы имели место ещё в доцивилизационные времена, среди ещё природного жизнеотправления. Деньги - вещь, но не та, которая имеет какую-либо упругую плоть (металл, бумагу), а которая лишь даёт всему и вся оценку и называет этому всему и вся цену, причём делает это по праву своей собственности, уже субъективно названной и объективно подтверждённой, к тому же и всеохватно признанной. Деньги - особого рода оценивающая, но при этом уже по особому оценённая, цена. Не предмет здесь вещь, а сама оценка - вещь, как раз то самое, что вещает, лишь для удобства своего бытия, сопрягаясь с тем или иным предметом, который служит не более чем средством оценки и её - этой оценки - вещания. Деньги - идеальность, они совершенно идеальны, как идеальны и все оценки, выступающие как цены экономических благ - товаров. Товар - однеженное и оцененное в экономическом движении благо (земля, лес на корню или уютный домик при купле-продаже сами никуда не движутся, а вот экономическое движение из рук продавца в руки покупателя непременно осуществляется - уже как движение денег, зачастую как идеальное движение совершенно уже идеальных денег). Вообще, вне экономического движения нет ни денег, ни товаров, ни оценок, ни цен. Всё здесь реализуется только в движении, которое осуществляется не где-нибудь, а в основе и прежде всего в головах людей, мало того, деньги и цены только в этих головах реально и существуют, а вовсе не в благах, не в товарах, не в любых иных объектах экономического внимания. Оденеживание и оценивание - дело субъектно-сознаниевое, а не какое-нибудь ещё: деньги и цены - не только продукт, но и принадлежность сознания, конечно же, экономического.

Экономический человек - реальность, никакая это не выдумка!

Это тот самый человек, который ведёт экономический расчёт (расчёт в деньгах) и реализует экономическое движение (движение тех же денег), входя при этом в неденежные (природные, производительные, технологические, интеллектуальные, духовные, потребительские) среды, которые и объедают всё то, что называется хозяйством, - и там, ведя экономический расчёт и реализуя экономическое движение, этот экономический человек организует экономическим образом хозяйство и им тем же образом управляет, достигая при этом своих экономических целей. Деньги - вмняемая прреальность, становящаяся в ходе и в итоге влияния вполне реальной

реальностью. И тут важно отметить, что деньги при всей своей вроде бы фиксированности и упорядоченности отличаются имманентной неопределённостью - некой существенной подвижностью (в своей цене, в своём количестве, в обращении, в оценочной роли, в структурной и пространственной динамике). И деньги при этом не просто качественно неопределённые и количественно подвижны, а фундаментально *трансцендентны*, и только будучи таковыми, они и могут выполнить сложнейшую функцию денег, быть реальными деньгами.

В деньгах есть своя механика, но это менее всего механическая механика, - тут иного рода механика - метамеханика, или трансцендентная механика, которая есть, но которую никакому сознанию полностью не смоделировать. Всё сказанное о деньгах действится и к ценам, которые существуют, которые действуют, которые реализуются, но что есть цены, кроме того, что это... цены, причём выраженные опять же в... ценах - денежных ценах, которые суть не что иное как... цены цен? Цена - завершённая оценка, совершаемая через посредство цены-эквивалента, а размер цены - размер оценивающего и оцененного эквивалента, его количество, определённое так или иначе его ценностью. Ох, очень непросто эти экономические головы, которые и деньги правильно оценивают, и все товары тоже, но с тем фундаментальным условием, что деньги и товарные цены и сами себя оценивают, разумеется, через посредство всё тех же умных экономических голов. Тут действует коллективный экономический разум, состоящий из великого множества взаимодействующих между собой голов, но действует как-то очень уж имманентно, незаметно, тайно, одним словом - *трансцендентно*, делая все оценки и цены не менее, а может быть, и ещё более трансцендентными, чем сами по себе деньги.

Деньги и цены - экономическое ядро экономики, самое экономическое в экономике, самая что ни на есть экономика в экономике. Нетрудно заметить, что деньги и цены, будучи не одним и тем же, неразрывны и составляют единое целое, которое принято в России называть *стоимостью*. Стоимость - экономическая субстанция экономики, её первооснова. Это оцененные деньги и однеженные цены вместе, хотя, повторяем, деньги и цены - не одно и то же. Деньги - знак стоимости, её эталонная величина и средство счёта, но при этом и сумма («масса») стоимости, её функциональная (инвестиционная) величина; цены - стоимостные значения, её принадлежностные (товару) величины, а если и суммы, то лишь сигнальные (информационные). И всё тут великолепно получается, всё совершается, всё работает: деньги и цены, цены и деньги, но непременно вместе, в неразрывье, во взаимообусловленности, в единстве.

Стоимость - «кварк», в котором вместо двух частиц, как в физическом кварке, лишь две сущности, из которых ни одну, как и ту же частицу в кварке,

саму по себе отдельно от другой сущности не вычленишь, а потому стоимость есть не что иное, как двои-сущностная сущность, способная к полноценной и эффективной самореализации через посредство лишь экономического сознания и в среде экономической ноосферы. Стоимость - сама себе субстанция, которая и сама себе причина, и сама себе следствие - и ни в какой иной субстанции, кроме себя самой, не нуждающаяся. Это идеальная, духовная, эфирная субстанция, совершенно невидимая, сокрытая, прозрачная, - и никакой другой она просто быть не может, ибо она из... мысли... да, да... из *мысли*, той самой человеческой мысли, которая как раз и реализует экономический расчёт со всеми его деньгами и пенами, капиталами и инвестициями, кредитами и ссудными процентами, валютными курсами и таможенными тарифами, а с участием всего этого и всего этому подобно реализует и весь экономический процесс, возбуждаемый и ведущийся сознательным экономическим действием, а воспринимаемый более всего как объективный ход независимых экономических вещей.

Стоимость - мысль, а деньги и цены - лишь мысль запечатлённая. Стоимость - мысль, однако мысль, способная к самовоплощению, самоутверждению и самосуществованию, что и доказывается самовольной практикой денег и цен, но при этом не порывающая совсем и навсегда плодотворной связи со своим источником - людской головой, а правильнее - *экономическим субъектом*, охотно и упорно исполняющим функцию *центра (очага) экономических решений*. Экономика со своей сердцевинной и всё и вся объёмлющей субстанцией - стоимостью - особого рода *механизм*, конечно же, немеханический и даже не органический, вообще не физический, не химический, не технологический, а социальный, людской, сознаниевый, ноосферный, равным образом, идеальный, мыслетворный, психотропный.

Некоторым аналогом такого механизма может служить... компьютер, но при условии, если этот компьютер, точнее было бы сказать - мегакомпьютер, а ещё лучше - метакомпьютер, наделить жизнью (а не живую жизнь обустроить механическим компьютером). Этот-то живой метакомпьютер, он же и экономика, всё сам и решает, хотя решающими ячейками в таком удивительном мегасооружении - *экономическом космосе*, являются не кто-нибудь и не что-нибудь, а люди, их ассоциации, ими созданные институции, людские массы, как, собственно, и толпы. Экономика - гигантское счётно-решающее устройство, внедрённое в социум, из него вылезавшее, его преобразующее, через него действующее. И важнейшим элементом этого устройства является... цифра - *экономическая цифра*, способная образовывать числа - *экономические числа*, отражающие те или иные *экономические величины* - оценочные, ценностные, стоимостные. Экономика оцифрена, обчислена, обценена - и никакого другого легального (видимого, слышимого, презентруемого) материала

в экономике нет и быть не может, ибо экономика не просто пользуется имманентным себе счётно-решающим устройством, а сама по себе этим устройством напрямую и является.

Материал экономики - цифра, плоть - число, однако особенная цифра и особенное число - не абстрактно-математические, а оснащённые конкретным житейским содержанием (ценностным) и столь же конкретной житейской функцией (определяющей, измерительной), которые они обретают и исполняют в экономическом социуме в ходе его жизнедеятельности - как итог всеобщего со стороны экономических агентов одобрения и символ действительного общественного согласия. Это, безусловно, денежные цифры и однеженные числа и величины, которые, становясь экономическими, способны выполнить особого рода великую, в то же время и весьма загадочную, социальную миссию - экономическую - разумеется, благодаря сознанию и ноосфере

К денежной цифре и однеженным числам и величинам всюду в социуме выказывается необходимое для реализации (оборота) экономики доверие, естественно, не безоговорочное, ибо экономический мир не обладает ни *абсолютными параметрами*, ни *постоянными величинами* (Sic!), - в экономическом мире всё относительно и временно, даже эталонные денежные величины и те относительно и временны, а что говорить о разного рода ценах и финансовых суммах и потоках, - а потому, оставляя возможность игры с экономической относительностью и временностью, экономический социум не пренебрегает ни властным потенциалом (как собственно экономическим, так и юридическим, политическим, государственным), ни возможностью кое-какого насилия для утверждения в социуме подобия экономического абсолюта - денежного и исходящей от него оценочной и финансовой ценностной стабильности.

Экономика - ловко, добротнo и надёжно организованный мир, мир всеобщей, осознанной игры, сочетающий правила с их отсутствием, а порядком с произволом, а потому и мир, обладающий возможностью частных и всеобщей самоорганизаций, что делает экономику одновременно управляемой и своевольной, мало того, своевольно управляемой и полной управляемого и управляющего своеволия, что позволяет с учётом онтологической, а не только гносеологической, таинственности стоимости и всего механизма её реализации вполне обоснованно заключить, что экономический мир - *мир трансцендентный*, и что все его решения и показательные выкладки в той или иной степени задеты работающей трансценденцией.

Даже математика, свойственная экономике, ей непосредственно имманентная, не лишена трансцендентности, что даёт основание говорить об особой *экономической математике*, не просто не сводящейся к обычной человеческой математике, разрабатываемой в академиях и преподаваемой в университетах, но и несмотря на всеобщее в экономике её деловое при-

менение (все в экономике считают, всё в экономике обсчитывается), содержащей в себе какую-то неопределённую, можно сказать, и конспиративную часть, реализующуюся самостоятельно, стихийно, своевольно, а главное, никакой человеческой математикой не осознаваемую и не моделируемую. Экономика - математика, но в чём-то фундаментальном и принципиальном это *сама-себе-математика*, вполне чудесным образом действующая, да не где-нибудь, а в бездонных глубинах сознания и в непросматриваемых слоях ноосферы.

С такой математикой можно иметь дело, с ней эффективно взаимодействовать, в ней творчески участвовать, даже артистично ей подражать, но... но заменить её никакой человеческой математикой, способной-де решать счётно-модельные задачи за трансцендентную экономическую математику, нельзя! Имманентная экономике математика есть некая *сверхматематика*, которой свойственно действовать, никак не уподобляясь доступной человеку, даже и очень сложной, математике. Для столь трансцендентной, металогической, произвольной математики ничего не стоит из дважды два получить не четыре, а, допустим, три или пять, причём общий математический процесс, вершащийся внутри экономики, никак при этом не страдает. Игра, она и есть игра, а производ всегда производ, что не значит, что производ можно совершенно и навсегда преодолеть, а вольную игру начисто упразднить.

Выходит тогда: или вокруг нас экономика со своими странными онтологическими свойствами вроде идеальности, металогичности и трансцендентности, или на месте экономики должна быть другая, вполне механическая, проектная и полностью подвластная человеку система хозяйства, что-то вроде казарменной, которая в человеческом социуме, к счастью или к несчастью, пока ещё не восторжествовала. Поразительная особенность экономики состоит в том, что всякий её элемент, всякий в ней процесс, всякий её параметр *может быть любым, но не каким угодно*, ибо все части и локалии в экономике свободны и от себя своевольны, но в то же время все они взаимообусловлены и взаимно во что-то общее увязаны, а потому повсеместный производ удивительнейшим образом сочетается в экономике с произвольно возникающим и столь же повсеместным порядком системно строящим экономику, но никак, не мешающим ей оставаться живой принадлежностью живого хозяйственного бытия.

Хозяйство, принимаемое как осознанное и оноосферное - неотъемлемый атрибут человеческого бытия. И ежели хозяйство есть везде и всегда, где и когда есть человек, то экономика есть вовсе не везде и вовсе не всегда. Тогда, где же она и когда? Первое, оно же и самое верное, что приходит на ум: экономика там и тогда, где и когда появляются деньги с однеженными ценами, а это происходит там и

тогда, где и когда благо одного рода (типа) с необходимостью обменивается на благо другого рода (типа), причём не случайно и одноразово обменивается, а намеренно и систематически, мало того, где и когда становится возможным либо заниматься только обменом благотваров, что то же самое - торговлей, либо производить для обмена некое определённое количество какого-либо конкретного блага, чтобы итогом реализации этого количества данного блага была возможность обретения через обмен всех остальных необходимых для потребления благ. В первом случае речь идет о торговой специализации, во втором - о производительной. Так или иначе, но появление денег с однеженными оценками, а соответственно - экономики, обусловлено социальным разделением хозяйства, когда возникают специализированные и самостоятельные относительно друг друга части (элементы) хозяйства, нуждающиеся в постоянном товарообмене или же им специально занимающиеся, что позволяет разрозненным хозяйственным локалиям достигать потребного им общественного единения.

Ничего лучше, эффективнее и изящнее, чем абстрактные деньги, или деньги как деньги, или деньги как цифра, а цифра как деньги, для исполнения товарообменной и социо-хозяйственно-связующей функции придумать невозможно: деньги сами вершат простое оценочно-обменное дело, свободно гуляя по хозяйственному пространству, возникшая где и когда надо и столь же потребно пропадая, но никогда не переводясь и не оставляя без дела экономических субъектов, а главное, объединяя их в общественное целое - не совсем единое, быть может, но достаточно сообразованное.

Деньги возникают и функционируют первоначально в роли товарообменного посредника, но сразу же обретают и функцию незаменимого вершителя экономически организуемого хозяйственного процесса, немедленно оказываясь в его начале (денежные инвестиции, авансирование денег), осуществлении (денежные затраты на приобретение средств производства, включая и труд) и в его завершении (возврат авансированных денег с приростом, накопление денег), а следом уже появляется самая, пожалуй, выдающаяся функция денег - быть воплощением абстрактного богатства, что то же самое - ценности как ценности, свободной от конкретного предметно-вещественного бремени, а потому совершенно идеальной, знаковой, всего лишь по-особому оцифрованной. С рождением денег и завоеванием ими вместе с укреплением экономики достойного для себя положения рождается и феномен собственности на абстрактную ценность, или ценность как ценность, когда владение деньгами оказывается самым главным, гибким и эффективным владением, приносящим владельцу денег всё остальное... неденежное, когда собственнику денег лишь остаётся ими правильно в среде экономики и контролируемого ею хозяйства распорядиться.

Да, землёй владеть совсем даже не плохо, как и заводами с пароходами, и лесами, и недрами, и домами, и информацией, и знаниями, и людьми, и самой властью владеть не зазорно, но вот... деньгами владеть, этой абстрактной и практически безукоризненной ценностью, - совсем другое дело, ибо деньги мало того, что способны конвертироваться в любое из неденежных богатств, причём в любое время и в любом месте, они способны непринуждённо и щедро даровать сверх всего этого ещё и полную, почти что абсолютную, власть над всем миром людским - во всех его частных проявлениях и при всех его оригинальных построениях! Сначала было с незапамятных времён частное и государственное накопление денег ради сотворения соответствующих богатств и в целях разного рода расходов, затем пошёл рост денег за счёт самих денег, их использования в дело - производительное ли, трудовое или капитальное, торговое ли, финансовое ли - ростовщическое, банковское или попросту спекулятивное, но так или иначе - накопление денег, сотворение денежных богатств, реализация денежной власти посредством власти над деньгами и властью денег надо всем денежным и неденежным. И это не просто обязанный деньгам замечательный момент экономического, а соответственно хозяйственного и всего остального человеческого бытия, как и не просто бытие с деньгами, через них и для них, даже не однеженное бытие, очарованное, окормляемое и опутанное деньгами, а прямотаки обязанное деньгам бытие, перед фактом которого признательно склоняется ныне всё наличное на планете Земля цивилизованное человечество.

Раскрытие в деньгах непосредственной абстрактной ценности, возможной к овладению и целенаправленно выгодному применению, вызвало в человеке хозяйствующем неугасимое стремление к деньгам и возбудило к жизни феномен работающих, или хозяйствующих, денег, способных созидать любые хозяйственные процессы и никогда не забывать о присвоении их стоимостных и материальных результатов. Деньги, превращаемые в *капитал*, - лучший *эксплуатор* хозяйства, труда, творчества, причём совершенно невзрачный, тихий, вкрадчивый, даже и невидимый, лишь иногда - поневоле и вынужденно - дающий о себе знать, да и то лишь при пристальном к нему критическом внимании.

Итак: сначала деньги (Δ) как простой посредник в товарообмене: $T-\Delta-T$, где T - товар; затем деньги как главное условие и непрменный фактор хозяйственного процесса, его зачинатель, посредник и завершитель: $\Delta-T-\Delta$, но, конечно же, с желательным превышением конечной величины (сумы) денег над начальной: $\Delta-T-\Delta'$, где $\Delta' > \Delta$; потом уже деньги как целеположенно возрастающие деньги, что то же самое - капитал: $\Delta-T-\Delta'$, когда Δ' становится главной целью хозяйствования; далее уже развитие феномена возрастающих денег-капитала: $\Delta-\Delta'$, когда деньги возрастают посредством движения от

собственника денег к их реальному хозяйственному пользователю и обратно, что соответствует как примитивному ростовщичеству, так и вполне развитому банковскому кредитованию; наконец, деньги как непосредственно возрастающие (уже буквально *самовозрастающие*) деньги: Δ' , $\Delta'' \dots \Delta'''$, когда возрастание денег происходит в ходе и вследствие прямых купле-продажных акций в финансовой сфере, а лучше сказать - в ходе и вследствие финансовых спекуляций (биржевых сделок на разных рынках, чистых перепродаж, смен собственников, валютных операций и т. п.).

Феномен капитала, а соответственно и капитализма, заслуживает особого внимания. Капитал реализует себя обыкновенно как производительный - либо непосредственно производственный, либо торговый, оборачиваясь по формуле $\Delta-T-\Delta'$, и как финансовый - либо кредитный ($\Delta-\Delta'$), либо спекулятивный (Δ' , $\Delta'' \dots \Delta'''$). Капитал всегда есть денежный (чисто стоимостной) капитал, способный превращаться в неденежные активы (средства производства, включая рабочую силу) с последующим превращением снова в активы денежные (капитальные). По мере своей финансизации (и спекулязации), капитал всё более отходит в своей реализации от реальных денег, обращающихся в реальном (производительном) секторе хозяйства, всё более сближаясь с деньгами ирреальными, или фиктивными (эмиссионными, кредитными, инвестиционными, суррогатными), характерными более всего для финансового сектора экономики. Обычно фиктивные деньги превращаются, пройдя через горнило реального сектора, в реальные деньги, но они могут, оставаясь фиктивными, управлять движением и стоимостными значениями реальных денег. Возможность существования и действия фиктивных денег, причём в растущих объёмах, является ярким свидетельством в пользу абстрактно-идеальной, цифро-числовой, счётно-расчётной (можно сказать, математической) природы денег, стоящей за ними стоимости. Иное дело, что за ценностью денег, их покупательной способностью, их количеством в обращении, за общим ценовым раскладом и общей динамикой цен должна стоять некая денежно-ценностная мера, но... во-первых, эта мера может быть всё-таки... *любой, хоть и никакой угодно*, что делает её весьма гибкой, неопределённой и в то же время потребной, а во-вторых, средством поиска приемлемой меры являются вполне обязательные при капитализме *денежно-финансовые кризисы*, под влиянием которых обнаруживается допустимая для того или иного времени реальная мера и находится какое-то ей соответствие в денежно-финансовой сфере.

Экономика - стоимостное хозяйство, которое есть одновременно хозяйство стоимости и хозяйство от стоимости. Капитал - возрастающая стоимость, или самовозрастающая в процессе самодвижения стоимость. Такое самовозрастание является возможным вследствие реальной способности человека

производящего производить потребительного продукта в разы более, чем ему необходимо для своего собственного жизнеотправления. Грубо говоря, продуктовая производительность любого работника объёмнее его трудовой производительности. И дело тут в сложной, природно-неприродной, животно-сознаниевой, трудо-творческой специфике человека, способного брать от мироздания больше, чем ему необходимо для поддержания своего натурально-физического существования. Воспроизводство человека - воспроизводство в общем-то чрезмерное с позиции окружающей среды обитания, к тому же и увеличивающееся, самовозрастающее. Стоимость улавливает эту самовозрастающую чрезмерность, что и отражается в эффекте самовозрастания уже самой стоимости в ходе реального хозяйственного процесса. Отсюда и возможность существования капитала - этой воистину в координатах экономики самовозрастающей и как бы самонакапливающейся стоимости.

Капитал, будучи самовозрастающей стоимостью, и сам самовозрастает, оказываясь самовозрастающим капиталом, что требует от капитала, во-первых, непременно возобновления себя авансирования по возвращении себя же с приростом - капитальной прибылью; во-вторых, экономного себя авансирования ради увеличения доли приращенной стоимости; в-третьих, изыскания возможностей для роста производительности самого себя посредством технических усовершенствований и более эффективной эксплуатации занятого капиталом труда; в-четвёртых, перехода в новые сферы производства и занятости, предоставляющие новые возможности для эффективного (прибыльного) себя применения. Отсюда капитал - стоимость созидательная, творческая, инновационная, неуёмная, непоседливая, экспансионная, ну и, конечно же - агрессивная.

Самовозрастание капитала, как и в целом капитализма, - не одно лишь его расширение, но и развитие, причём не только сам по себе расширенный рост, а рост экспансионный, освоенческий, даже и захватнический, империльный, а развитие - развитие не одного лишь самого по себе капитала - от простого к сложному, но и всего производственно-хозяйственного контекста, объёмлемого («крышуемого») капиталом - техники, науки, рабсилы, инфраструктуры, социума, цивилизации, всего вообще искусственного мира.

Из недр хозяйства - как хозяйства вообще и собственно хозяйственного хозяйства, бывшего когда-то в основе своей натуральным, вышла экономика, что то же самое - *экономическое хозяйство*, в то же время вышло и хозяйство, по преимуществу ненатуральное, искусственное, оцивилизованное. Экономика, исторически развиваясь и становясь всё более экономической, превратилась однажды в итоге западноевропейской *экономической революции* середины II тысячелетия от Р. Х. в экономику *капитальную* (или как принято обычно говорить в России, *капиталистическую*), породившую в свою очередь самую настоящую

экономическую цивилизацию, когда экономика целостно оцивилизована и цивилизация не менее целостно экономизирована (экономически обустроена), что позволило капитализму, развившему финансизм, корпоративизм и этатизм, а затем и глобализм, перейти к высокоорганизованному *глобальному экономизму*, пиком сочетающему тотальную организацию со всеобщей тотальной самоорганизацией, а стоимостное господство и управление со столь же стоимостным поведением всех по планетарному миру экономических субъектов.

Если принять во внимание эволюцию экономики, обусловленную изменениями в самой онтологической сердцевине - в стоимости, то следует заметить, что стоимость со временем становилась всё более абстрактной, идеальной и виртуальной по своей онтологической выраженности и всё более самостоятельной и своеобразной по функциональной заданности, она всё менее увязывалась со своими вещественными носителями, всё менее зависела от непосредственно производительной сферы хозяйства и всё менее представлялась в экономике реальными, вертящимися в реальном секторе хозяйства, деньгами и формирующимися в том же секторе ценами. Получалось так, что стоимость всё менее зависела не только от реального хозяйства, но и от... самой целостной экономики, ибо, становясь всё более свободной от хозяйственных реалий, она оказывалась и более субъективно управляемой - из властных стоимостных центров (частных, корпоративных, государственных, международных, а также собственно глобального центра), что позволяло стоимости всё более исходить... из самой себя, ориентируясь всё более на свои собственные потребности и интересы.

Произошёл внутриэкономический переворот: освободившись от тенет хозяйственных реалий и целостной экономики, а с крахом золотого стандарта (обязательного золотого обеспечения денег и обязательного обмена бумажных денег на золото) и от собственных материально-вещественных вериг, стоимость захватила лидирующие управленческие позиции в экономике, что позволило в корне изменить внутриэкономическую ситуацию - на передний план вышел принцип «экономика для стоимости», отеснивший на задний план принцип «стоимость для экономики». В результате экономика превратилась в *финансомику* (финансовую экономику, финансомику), когда управляемое сверху и из центров финансовое (стоимостное) начало доминирует надо всей экономикой, не говоря уже об охваченном экономикой хозяйстве. Из обслуживающего начала, игравшего не более чем служебную, посредническую, вспомогательную роль, финансизм превратился в начало доминирующее, способное выполнять при этом управленческую, перераспределительную и эксплуататорскую функции, чему способствует вышестоявшая финансомикой иерархическая система *финансового кредитования* сверху вниз всей экономико-

хозяйственной сферы, давно уже запутавшейся в сетях непрерывной и неотрывной финансовой кабалы.

Кредит в финансомике - это вовсе не только хорошо известный банковский кредит или тот же ссудный капитал, это ещё многое другое, а точнее - всё денежно-инвестиционное, денежно-выплатное, денежно-оплатное. Само оденуживание хозяйственной сферы есть по сути её тотальное кредитование, - не стоит забывать, что у самой хозяйственной сферы, даже по форме и организации экономической, никаких своих денег нет: все деньги извне, сверху и из центра (центров), что позволяет заключить, что хозяйство-экономика пользуется в общем-то как бы не своими деньгами, а чуть ли не чужими, за что ей и приходится платить, замещая полученные ирреальные, или фиктивные, деньги на деньги реальные, прошедшие реальную обкатку в реальной сфере хозяйства, а произведя реальный продукт, который можно приобретать как на реальные деньги, так и на фиктивные, а главное, на полученный от хозяйственных должников вполне ростовщический для тотального кредитора доход - *финансовую ренту*. Путей и способов подобного (ростовщического) кредитования, как и извлечения финансовой ренты, великое множество (кредиты с процентами, аренды, налоги, платы, бонусы, да и вообще любые расходы экономических агентов), чему служит, с одной стороны, всякая собственность, требующая финансового удовлетворения, а с другой - необходимость в экономической цивилизации обретаать для жизни деньги и их упорно тратить, тратить и тратить. Тут не может ни возникнуть вопрос о ценности денежной единицы и количестве денег в обращении. Нет, ничем предварительно точным ценность денежной единицы не определяется, а количество денег в обращении никакому окончательно точному предварительному расчёту не подлежит: всё в развитой экономике рассчитывается весьма приблизительно, если не наобум.

Ценность денежной единицы, как и количество денег в обращении, не столько правильно рассчитываются, сколько оптимистически *вмечаются*, но с последующими, вполне и неизбежными, корректировками, чему служат всякие подходящие показатели и характерные тенденции вроде роста цен, изменения покупательной способности денежной единицы, движения валютного курса, динамики ссудного процента. Так что деньги - сами себе произвол, творец и судья, как и сами себе инспектор, корректор и типограф. Только пробы и ошибки, только реальный воспроизводственный процесс, только интенции и реакции, только реальная экономическая жизнь!

Что есть физическое в экономике, кроме организмов экономических субъектов и присущей им физической энергии? Какова, собственно говоря,

физика экономики? В тех же деньгах, к примеру, вся физика сводится не более как к их вещественным носителям - металлу, бумаге или к тому же компьютеру, которые имеют отношение к физической, иногда ещё и в красках, фиксации символических денежных цифр, оплодотворяемых вожаделенной денежной ценностью - и всё это при том, что деньги со всеми своими цифрами могут успешно реализовываться без всяких материальных носителей. Можно, конечно, вспомнить о многообразной материальной и людской инфраструктуре, обслуживающей деньги в рамках их собственного хозяйства - монетные дворы, денежные фабрики, печатные станки, секретные хранилища, неуязвимые сейфы, бронированный транспорт, как и, разумеется, всякого рода труженики, занятые изготовлением, счётом и перемещением денег, присовокупив к ним ещё и столы, стулья, шкафы, маркеры, да мало ли ещё чего из требуемого для обеспечения производства, существования и функционирования реальных денег - те же кошельки, карманы, зажатые в кулак руки... даже и пальцы, умело вытаскивающие чужие портмоне и не без удовольствия перебирающие попавшие в их распоряжение незамусоленные купюры, но также и быстро бегающие по компьютерным клавишам, посябая в офисах всякому денежному учёту и расчёту.

Ещё менее физического мы обнаружим в ценах, ибо всё открытие тут сведётся не более чем к материальным носителям цен - к бумаге или тому же световому табло, да ещё к материальному выразителю ценовых чисел - к краске или электронике, как и, разумеется, к речевым аппаратам продавцов и покупателей, цены выразительно провозглашающим и оживлённо обсуждающим. Никакой другой физики в экономике нет и быть не может - зато в экономике хватает всякой метафизики, как раз того, что относится к сознанию и ноосфере, что выражается в мыслях, мнениях, суждениях, решениях, маниях, но также и в правилах, законах, институтах, мало того, и в действиях, акциях, отношениях, сетях, организациях, процессах. Указание на связь всего этого с человеческими организмами и некоторыми их чисто физическими проявлениями тут особенно не поможет, ибо собственно экономическое здесь не на физической поверхности, а в метафизической глубине, граничащей и взаимодействующей с трансценденцией.

Разумеется, можно и мысли с отношениями объявить физическими феноменами, даже и материальными, как это, собственно, и делает с необыкновенным усердием институциональная гуманитарная наука, но... что в самом деле материального и как такового физического в самих по себе мыслях и людских отношениях, которые совершенно ведь идеальны и... да, да... метафизичны, уже хотя бы потому, что не только не имеют никакой материальной субстанции, но и никак не сводимы к чисто физическому происхождению? Мотивы мыслей и отношений могут быть, конечно, и материальными,

и вполне физическими, но сами-то мысли и отношения восходят непосредственно к идеально-эфирной, ещё и трансцендентной, сфере человеческого бытия, к сознанию, к ноосфере, таинственной «механикой» которых они в итоге и определяются.

Экономике свойствен порядок, однако не только не материально-механический, не физический, что более или менее понятно, но даже и не попросту социальный, хотя он и обладает всеми атрибутами социопорядка - свободой, насилием, ответственностью, сетью, иерархией, - это всё-таки особенный социопорядок, в котором началом и основанием служит не порядок как таковой, а *произвол* - то самое произ-вол-ение, которое прямо из субъекта, ради субъекта, между субъектами, в сообществе субъектов, которое не имеет кругового набора жёстких, тем более априорных, ограничений, но зато имеет возможность повсеместных и поэтапных выборов, манёвров, импровизаций, одним словом - разбросанного по социопространству и социопроцессу организационно-хозяйственного творчества.

Такой «произвольный» или «произволеческий» порядок есть постоянно становящийся, вновь и вновь возникающий, всё время зарождающийся порядок, а потому и изменчивый, подвижный, многоликий, но при этом и - уже в качестве платы за возможность всеобщего произвола и необходимой корректировки столь удивительного порядка - колебательный (вверх - вниз), кризисный (приостановочный, разбродный, перестроечный), циклический (от подъема к спаду, от кризиса к кризису, от начала к завершению). Здесь *произвольные отношения* сочетаются с *произволом отношений*, а *произвол бытия* с *произволом управления бытием*: и хотя экономика вовсе не полный беспорядок, не сплошная стихия, не абсолютная анархия, но всего этого она совсем не лишена, а иной раз и бывает всем этим весьма охвачена, ибо экономический порядок - порядок не просто «произвольный» и «произволеческий», но и произвольный, а лучше бы сказать - *самопроизвольный*.

Возникающий из произвола и произволу всем обязанный, к нему накрепко привязанный и от него всю зависимость, экономический порядок не может не иметь внутри себя и по своему пространству нужных и ненужных локальных произвольностей и не подвергаться вспышкам уже общего для себя системного произвола. Экономический произвол - не просто произвол, а произвол на произвол, когда как бы один произвол держит (и бывает, что прямо-таки за горло) другой произвол, отчего один произвол гасит и отрицает другой произвол, в результате чего устанавливается в общем-то почти что и непроизвольный порядок, конечно же, временный и, как правило, локальный, но всё это лишь для того, чтобы произволу вновь непременно воспроизвестись, часто в другом месте и по иному поводу. Отсюда любые экономические феномены, параметры и величины сначала (исходно) произвольны, а затем уже поряд-

ковы (закономерны). Вот откуда вещая сентенция о *любим* в экономике, но... *не каком угодно!*

Спрашивается, экономика субстанциальна или нет? Очень не простой вопрос, если принять во внимание идеальность, эфемерность, трансцендентность экономики, всех её параметров, цифр и чисел, всех её величин, если учесть всю метафизичность экономики. Сведение всего экономического к единому образу или же единообразному представлению в денежных цифрах, числах, величинах, как и возможность всё это одинаково выраженное по-всякому оценивать, сопоставлять, приравнивать, отождествлять, разделять, соединять, учитывать, рассчитывать и т. д., говорит о наличии в экономике какой-то общей, вполне и экономической... *субстанции*, разумеется, не материальной, не кашевидной, не сплошной, как бы и (!)... *не субстанциальной*. Субстанции тут, кажется, есть, но её вроде бы и нет; субстанции явно нет, но она всё-таки есть!

Метафизический мир, однако, способен иметь в своей среде такие вот несубстанциальные субстанции - и в экономике такая субстанция тоже есть, она довольно уже признана, получив широко известное определение *стоимости*: явилось что-то общее в экономике, и там как бы стоит, непременно при этом чего-то стоя, потому и стала называться стоящей стоимостью, при этом и стоящей. Находясь не где-нибудь, а всего лишь в головах людских, в пределах человеческого сознания, в пространстве ноосферы, стоимость находится сразу повсюду, выражаясь в деньгах и ценах, в суммах денег и цен, воплощаясь в деньгах и товарных ценностях, в денежных, а также в однеженных и оценочных товарных акциях и потоках. Почему всё-таки субстанция, а не просто счёт? Ведь здесь явно видим и осознаваем только счёт - никакой особой субстанции, измеряемой и исчисляемой через этот счёт вовсе не ощущается, её вроде бы совсем нет. Да, отдельной от счёта субстанции нет и быть не может, и ежели она всё-таки есть, то лишь как сопроводительница этого счёта, находящаяся с ним в неразрывном единстве. Что же это в таком разе за субстанция? Коли её природа идеальна, то «материалом» такой субстанции может быть лишь одно, а именно... *идея* - в случае со стоимостью только идея особой ценностной (особо значимой) цифры, которая хоть и в головах людских, но с особым качественным наполнением (образом), обретающим в головах этих вполне самостоятельное, если не независимое, значение - как бы высшее, пришедшее извне, объективное, что означает, что цифра эта, т. е. денежная цифра, будучи сознанием произведённая, оказывается в поле этого же сознания чуть ли не *сверхсознанием* (метропольным, иномирным, трансцендентным) элементом, с которым всякое работающее в экономическом ключе и плане сознание (уже колониальное, зависимое, подчинённое) просто вынуждено считаться уже как с чем-то не только внешним, экзогенным, потусторонним, но и внутренним, доминирующим, решающим.

Денежные цифры, они же и деньги, их массы обретают в связи с этим вполне субстанциальное бытие, что говорит и о субстанциальности того, что как раз и делает деньги деньгами, а денежные цифры денежными цифрами, и этим тем является, конечно же, *стоимость*. Важна ведь не сама по себе цифра, выполняющая денежную функцию, а заложенная в ней экономическая реальность, как раз то, чего эта цифра стóит, а потому важна не просто денежная цифра, а выраженная этой цифрой стоимость... как раз стоимость самой этой цифры. Стоимость - субстанция, но такая субстанция, качество которой выражено её количеством, а её количество и есть её качество. Качество и количество здесь как бы одно и то же: *экономическая значимость*. Мало того, что стоимость здесь сразу и качество, и количество, но и качество и количество здесь одновременно есть одно и то же - стоимость.

Нет никакой нестоимостной субстанции, образующей стоимость, её составляющей, в ней присутствующей, в неё входящей. Стоимость - *сама-себе-субстанция*, и возникает такая субстанция в момент явления в хозяйственной жизни не столько собственно товарообмена, сколько уже однеженного товарообмена. Простой, он же безденежный товарообмен - лишь предтеча стоимости, а вот однеженный товарообмен - уже присутствие в хозяйственной реальности полноценной стоимости. Всякий экономический субъект ведёт экономический счёт, и ведёт он этот экономический счёт не просто с помощью экономической цифры, но и среди разлитой по экономическому миру экономической субстанции - стоимости, которую он рассматривает не без основания как самостоятельную (само-стоимость) и как над ним довлеющую (господство стоимости, стоимостной фетишизм). Без субъектов, ведущих экономический процесс - нет стоимости, но и самих этих субъектов нет без стоимости, причём непременно обретающей возможность универсального *самостояния* (само-стоимости).

И что же из всего этого?... О-о, очень многое, очень! Особенно если принять во внимание, что стоимость не просто субстанция, но... *работающая субстанция*, включённая в очень сложный физико-метафизический социальный организм, он же и механизм, называемой экономикой, вместе с которым и в рамках которого она тоже ведёт хозяйство, причём делает это совершенно по-экономически, воспринимая от экономических субъектов *их* информацию и наделяя этих последних *своей* информацией, будучи не только следствием аутогенных субъективных и субъективных решений, но и вполне самостоятельным генеративным полем своих собственных (объективных) решений - некоей большой (мегамерной) счётно-решающей машиной, не подлежащей никакому субъективному (человеческому) моделированию, а тем более какой-либо субъектной замене.

Стоимость - сама себе феномен, механизм и субстанция, хотя и является и реализуется через взаимодействия людей (и институтов), возникая в головах человеческих, в них вселяясь и в них же бытуя, но таким образом, что оказывается и независимой от людей (экономических агентов) силой, способной к самостоятельной реализации и к доминированию над сознанием, а через него и к весьма плотному определению экономических и хозяйственных процессов. Стоимость объёмлет всё и вся в экономике, в экономическом хозяйстве, она везде и всюду - во всех экономических параметрах, в каждой ячейке, в каждой акции, во всех отношениях, сетях, структурах и процессах, во всех началах и концах, во всем экономическом мироздании, включая любые его центры, периферии и иерархии. Без и вне стоимости нет никакой экономики, причём именно такой стоимости - идеальной, субстанциальной, людской, социальной, сознательной, ноосферной, познаваемой, операциональной, функциональной, феноменальной, но при этом и самостоятельной, независимой, несхватываемой, непознаваемой, трансцендентной. Стоимость всегда делается, но она и сама себя делает, мало того, она ещё и сама очень многое делает. Ничего без стоимости и её тотального во всё проникновение, но непременно стоимости активной, инициативной, хозяйствующей.

Стоимость не только опосредует, способствует, соединяет, она и *хозяйствует!* Почему всё-таки неосоздаваемая стоимость, а не видимые и вполне осознаваемые деньги с ценами. Всё дело в том, что стоимость, будучи выраженной деньгами и ценами, без них вообще не существующей, относительно самостоятельна от этих последних. Да, деньги и цены - стоимость, но зато стоимость вовсе не только деньги и цены, ибо деньги и цены могут по номиналу (цифре, числу) не меняться, а стоимость, ими вроде бы представленная, способна измениться и быть по стоимости уже другой, что и фиксируется в реальных товарообменных, купле-продажных, оценочных акциях. Та же инфляция денег есть вернейшее доказательство того, что деньги и стоимость, даже и по количественной мере - не одно и то же. Есть денежные цифры, есть ценовые числа, а есть невидимые и никем явственно не фиксируемые, то бишь вполне трансцендентные, величины стоимости, выраженные в её собственных и совершенно уже метафизических цифрах и числах, принадлежащих самой стоимости и только ей известным. Это у человека деньги и цены, их цифры, а у стоимости какие-то совсем другие по природе цифры - некие «шифры», которые не на деньгах и не в ценах, но которые всегда где-то как бы рядом.

У экономики, выходит, двойной счёт: один на поверхности - это денежно-ценовой счёт, а другой где-то в глубине - это собственно стоимостной счёт, и определяющим в конечном итоге всегда является этот другой счёт, как раз стоимостной - глубинный, сокрытый, трансцендентный, тот самый счёт, кото-

рый ничем и никем в экономике заменить нельзя. Отсюда и неизбежность всяких коллизий в экономике, и с кризисами приходится экономике считаться, более того, приходится на все эти коллизии и кризисы непременно полагаться. И что из всего этого? А просто не надо ни пытаться считать за стоимость, ни стараться стоимость отменить, ни тешить себя иллюзией, что можно стоимость полностью смоделировать, ни тем более её как-то и чем-то заменить. Участвовать в стоимостном счёте можно и нужно, что, собственно, и делают все экономические агенты, без счётных действий которых и стоимости никакой нет; можно даже контролировать кое-какой собственный стоимостной счёт, им управлять, а вот ни всеохватно подчинить его, ни всецело смоделировать, ни наверняка спроектировать, ни всепронстранственно угадать, ни заменить чем-нибудь нестоимостным никак нельзя!

Стоимость - вещь трансцендентная, а потому и... *либеральная!* Экономический либерализм, нашедший образное выражение в известных формулах-афоризмах «laissez-faire» и «laissez-passez», восходит именно к стоимости, которая не может состояться и быть эффективной без необходимой доли свободы - своего для себя *самоуправления*, как раз того самого: спрятанного, криптогенного, таинственного. Иное дело, что экономику можно контролировать, регулировать, организовывать, ею даже можно до известной степени управлять, мало того, она сама, в том числе и её стоимость, которая и есть, собственно, по сути своей экономика, её сердцевина, её системообразующая субстанция, её кровоток, нуждается в таком управлении, причём ладно бы из разных, разбросанных по экономическому пространству, центров-локалий, но и из единого, так сказать, самого что ни на есть центрального центра, ещё и вполне властного, социально и политически признанного, иерархически выстроенного и организационно выдержанного.

Экономический либерализм вовсе не исключает *экономического дирижизма*, наоборот, либерализм только и оказывается возможным в условиях и даже в тенетах дирижизма, однако не тотального по охвату и не тотально директивного, а достаточно ограниченного - *самоограниченного!* - более всего ориентационно-побудительного, чем командно-ограничительного, хотя и не лишённого весьма выраженной институционально-правовой рельефности. Экономике по большому счёту родила цивилизация, хотя и сама цивилизация, возможно, возникла по не меньшему счёту по инициативе экономики - и вот, будучи феноменом цивилизационным, экономика не может избежать цивилизационного себя обустройства: социального, идеологического, институционального, правового, государственного, даже и политического.

Никакой чистой экономики нет и быть не может! Отсюда и экономический дирижизм: от государственных денег и финансов до арбитражных судов и долговых тюрем через прямое и косвенное вмеша-

тельство разнообразных властных сил в исторический ход экономико-хозяйственных вещей. Экономика всегда была, есть и будет не только внутренне - от себя и по преимуществу экономически, но и внешне - извне и по преимуществу неэкономически, организованной системой. Экономика нуждается в неэкономике, она эту последнюю непременно принимает, с ней дружит, хотя нередко и вынужденно, не без протестов и сопротивления. Экономическая реальность - это реальность постоянной борьбы между либерализмом и дирижизмом, между принципом «laissez-faire» («позвольте делать») и принципом, который можно было бы по аналогии назвать «fais-comme-il-faut» («делай как надо»).

Ясно, что либерализм и дирижизм непременно сочетаются с *произволом*, от которого им, как и вообще экономике, никуда не уйти: либерализм в союзе с произволом разогревает экономику, гонит её вперёд, раздувает, вергает в разнос, а дирижизм, находясь в контакте с тем же произволом, сдерживает экономику, охлаждает, консервирует, втаскивает в застой. Однако бывает и наоборот: либерализм держит экономику в застое, а дирижизм - развивает. Тут всё зависит от качества и состояния той или иной конкретной экономики, а также социума в целом, государства, цивилизации, культуры, людской психологии, всего того, что рядом и вместе с экономической, что её так или иначе определяет. Качественные скачки в экономико-хозяйственном развитии сильно зависят от конкретной стартовой ситуации: то либерализм вызывает и стимулирует долговременный инновационный подъём, то дирижизм обуславливает резкий рывок вперёд, но иногда экономико-хозяйственное развитие определяется благоприятным сочетанием либерализма и дирижизма - тогда-то и даёт о себе знать внутрисистемная сообразность хозяйствующего цивилизационного социума, оказывающегося способным унять и подчинить общей сознательной целесообразности как либеральный, так и дирижистский произволы, привнести обе энергичные силы к конструктивному согласию.

Экономика это стоимость! Вполне допустимое суждение. Есть хозяйство без стоимости, без её скрепляющей и организующей роли, а есть хозяйство со стоимостью, когда стоимость не только опосредует хозяйственную жизнь, но и прямо её ведёт. Не воспроизводство хозяйства тут оказывается в приоритете, а воспроизводство стоимости, способное придать воспроизводству хозяйства свою особую мотивацию и сообщить ему особенное движение. Здесь стоимость не просто опосредует хозяйство, а навязывает себя хозяйству, нередко ему просто извне и сверху сознательно и произвольно вменяясь.

Да, всё это происходит через посредство денег, их эмиссии, кредитования, инвестирования, накопления, но важно иметь в виду, что вместе с деньгами в хозяйстве является и действует не что иное, как стоимость, эта сущностная, трансцендентная и фактически сакральная сила-механизм, способная

самостоятельно «думать» и «решать», то ли всего лишь дополняя и расширяя человеческое сознание, то ли его собою подменяя, но так или иначе в сознание внедрённой, как и из него выросшей, его фантастически усиливающей. Без сознания нет стоимости, а вот стоимость способна отчуждаться от сознания, реализуясь как бы вне сознания, во всяком случае, не под его непосредственным контролем. Сознание как будто определяет стоимость, учреждая и применяя деньги, устанавливая цены, но зато стоимость, действуя уже помимо или даже вопреки сознанию, тоже способна определять сознание - и если сознание определяет стоимость более по форме - как собственно вещь, то стоимость определяет сознание уже более по существу - как собственно вещь.

Находясь во власти человека, деньги и цены действуют как орудия хозяйствующего человека, но стоимостью, этими орудиями вроде бы реально оживляемая, действует при этом сообразно самой себя, превращая не только деньги и цены уже в свои орудия, но и самого самостоятельно и рационально-действующего человека: так из подвластных человеку *вещей* выходит на свет божий уже неподвластная человеку *вещь*, на которую человек хозяйствующий вынужден реагировать и за которой охотно или вынужденно следовать. Стоимость, будучи вроде бы произведением человека, обладает в то же время способностью отделять себя от человека, становясь уже внечеловеческой и надчеловеческой силой-механизмом, навязывающей себя человеку. Не воспроизводство человека тут во главе и впереди, а воспроизводство по сути уже сверхчеловеческой стоимости, с которой человек вынужден считаться, полнотой ей, однако, никогда не доверяя.

Ничего человеку хозяйствующему не остаётся, как вступать в творческий контакт со стоимостью - не с деньгами лишь, что само собой разумеется, а на этой невидимой и неуловимой, но, увы, старательно действующей, весьма и по-своему, ещё и в своих интересах, метафизической. Стоимость вовсе не чужда произвола - что либерального, что дирижистского, а главное - трансцендентного, отчего лишь одно беспокоящее человеческие ум и душу заключение: стоимость - феномен *мистический*, своеволие которого лишь к случайности и вероятности не свести, - решает себе по-своему и всё тут!

Однако при всём своем мистическом своеволии стоимость не уходит совсем из-под власти человека хозяйствующего, более того, она под властью человека по преимуществу и пребывает, лишь на время и местами из-под неё вырываясь, уходя во всегда ожидаемое ею приволье, разумеется, в относительное и срочное. Экономика - постоянная стоимостная игра человека хозяйствующего, становящегося экономическим человеком, со стоимостью, игра, в которой на одной стороне сознание, а на другой... нет, не стихия всё же, как и не просто бессознание, хотя того и другого тут хватает, а, скорее... как уже было выше

отмечено... сверхчеловеческая сила-механизм, рождаемая ноосферой - *экономизированной ноосферой*.

Владение деньгами, капиталами, ценами, курсами валют, инвестициями, кредитами, ссудным процентом, фондовым рынком и т. д. - владение стоимостью, возможность и ею управления. Главная экономическая собственность, или собственно экономическая собственность - *собственность на стоимость*. Это со стороны экономических субъектов. Но и со стороны стоимости имеет место собственнический эффект, обозначенный зависимостью субъектов и всех хозяйственных процессов от жизнеуправления стоимостью. Стоимость тоже владеет и тоже управляет, она тоже *собственник*, пусть и очень своеобразный.

Финансовые потери и крахи, банкротства, девальвации, инфляции, кризисы - яркие свидетельства как власти стоимости, так и факта управления экономикой и самими экономическими агентами со стороны стоимости. Впрочем, о том же свидетельствуют, хотя и не столь ярко, такие происшествия, как внезапный рост доходности, высокая кредитная активность, инвестиционный бум, динамичная капитализация и многое другое, что случается среди живого, а потому и своевольного, и разнообразного, экономического контекста. Стоимость - некая упругая, активная, реактивная, во многом и свободно определяющаяся субстанция-сила, жизнедеятельности и воспроизводство которой, будучи производными от человеческих действий, определяют жизнедеятельность и воспроизводство экономики и всего сообщества экономических агентов, так или иначе господствуя надо всем экономико-хозяйственным миром.

Ничего без стоимости, её посредничества, её воли! Именно стоимость запускает экономику, ведёт её движение, добивается экономических и неэкономических результатов, хотя делает она это не сама по себе, конечно, а через соответствующую деловую активность человека хозяйствующего. Любой экономический агент есть стоимостной субъект, или субъект-стоимость, но с той существенной оговоркой, что он есть при этом и стоимость-субъект, который не только использует стоимость, будучи субъектом-стоимостью, но и сам используется стоимостью, уже в роли стоимости-субъекта. И выходит так, что обе стороны: субъект и стоимость, не просто слиты друг с другом в единое целое, не только продуктивно взаимодействуют друг с другом, но ведут между собою непрерывную игру, полную, как хорошо известно из экономической практики, вольноопределяющегося риска.

Субъектный риск определяется тут риском стоимостным - и ежели субъект всегда при этом действительно рискует, то стоимость, определяя субъектный риск, сама не рискует никогда: она просто делает своё процессуальное дело. Отсюда желание субъекта владеть стоимостью, ею управлять, чтобы выживать, расти и процветать в союзной и одновременно враждебной ему стоимостной среде, но

отсюда для субъекта и полнота стоимостного риска, ибо стоимость, выходящая за пределы власти и компетентности любого экономического субъекта, всегда и без особых усилий ускользает от любого субъектного контроля, она всегда ведёт свою собственную игру, не подлежащую всестороннему и совершенно эффективному для субъекта моделированию. Стремление субъектов овладеть ими же порождаемой стоимостью, уменьшая для себя стоимостные риски и увеличивая стоимостные же возможности, приводит к различного рода консолидациям субъектной власти над стоимостью, в чём преуспевают обычно крупные агенты-корпорации и, конечно же, государственные и межгосударственные институты.

В любой развитой экономике всегда возникают разветвлённые властные иерархические структуры, в задачу которых входит не просто пользование стоимостью, как это характерно для любого экономического агента, но и управление стоимостью, причём не просто находящейся в руках конкретного экономического субъекта или же сообщества субъектов, а разлитой по всему экономическому пространству - локальному, национальному, международному, мировому, что означает наличие потребности в *топологической организации стоимости*. Историческое развитие феномена стоимости, всего стоимостного общественного организма как раз и увенчалось формированием сложной и разнообразной системы субъектного управления стоимостью - от статутарного институционального до подвижного функционального. В структуре данной системы и в поле её продуктивной работы оказываются так или иначе все экономические агенты - вплоть до конечных потребителей-покупателей, что означает воцарение *развитой и весьма совершенной системы организации-самоорганизации стоимости*, а соответственно и экономики в целом, такой системы, в которой определяющую роль давно играет вовсе не рынок, а его, этого самого рынка, сознательная и вполне осмысленная организация.

Рыночная организация давно уже уступила место сознательной организации самого рынка, а потому не сам по себе рынок, или стихийная организация сообщества экономических субъектов, всё главное или почти всё главное в современной экономике решает, а некая надрыночная, хотя и не жёсткая, достаточно мобильная, по-своему и самоорганизационная система управления экономикой, не отвергающая вовсе рынка, а с ним как бы сверху взаимодействующая, в него при этом и входящая, его ограничивающая, направляющая, даже посягающая и тревожащая - вплоть до разрушительных эксцессов. Экономика - не только рынок, а сейчас уже как раз рынок организуемый, как бы связанный рынок, совсем и не свободный, - и хотя без самоорганизации - как рыночной, так и внерыночной (или надрыночной), никакой экономики быть не может, важно иметь в виду, что и без сознательной, волевой, целеположенной организационно-самоорганизации тоже никакой экономики нет и быть не может.

Рынок - совокупность самоорганизующихся экономических агентов (продавцов и покупателей), но при этом и непременно *организуемых* - как из-за пределов рынка и даже всей экономики, так и в пределах того, что можно ещё считать рынком, как и собственно экономикой. Когда речь заходит об *организации*, то при этом имеется в виду, что вполне справедливо, не что иное, как реализация сознательных, целеположенных действий агентов, а если речь идёт о *самоорганизации*, то подразумеваются либо какие-то независимые от чьей-либо сознательной организации действия агентов (их самодействия), либо самовольно происходящие в сообществе экономических агентов процессы, возникающие как результат совместных, даже и друг другу противостоящих, действий всё тех же агентов.

В первую очередь обычно принимается во внимание функциональная сторона любой организации, в том числе и самоорганизации, что можно всегда увидеть или вообразительно представить как вполне реальные действия, как их действительный результат. Но при этом, как правило, забывается, что в экономике есть *стоимость*, которая, будучи сама организуемой, тоже кое-что организует, выступая как самоорганизационная и самоорганизующая сила. И выступает здесь стоимость уже не как видимый функциональный механизм-процесс, а как что-то невидимое, сокрытое, конспиративное, чуть ли не потустороннее, что принято относить к сущностному, ноуменальному, эзотерическому плану бытия, что реализуется не по технологическим принципам и системным-де законам, а по неведомым человеку интенциям, с которыми человеку экономическому приходится попросту считаться.

Да, хорошо бы, овладев полностью стоимостью, обеспечить эффективную кооперацию и координацию между стоимостным либерализмом и стоимостным дирижизмом, когда управление стоимостью не подавляет её своеволия, а сама стоимость не горит желанием вдруг воодушевиться анархически и восстать разрушительно против с великим трудом поддерживаемого экономического благоденствия. И дело здесь не в эгоизме, алчности или некомпетентности экономических агентов - в особенности крупных, хотя, всё это, конечно же, есть, а в невозможности овладеть чем-то принципиально неовладеваемым, ибо стоимость, хоть и от этого мира, но одновременно и от мира иного, с которым нет и не может быть полноценного и вполне эффективного функционального единения.

Кажется, что в экономике всё рационально, рассчитано, полезно, функционально, но это только так кажется, ибо в экономике хватает и всего противоположного, но не в облике и в функции лишь случайностей, ошибок, погрешностей, как и отклонений от правил и всяких правильностей, а в виде органически необходимого действия, без которого никакой экономики вообще не бывает. Насколько экономика рациональна, технологична и проективна, настолько

она иррациональна, стихийна и неопределенна. И тут важно иметь в виду, что все эти «отрицательности» вовсе не пороки экономики, а её неотъемлемое, вполне и ценное, достояние. Работающие деньги - *финансы*. И ежели финансы просто обслуживают экономику, то имеет место всего лишь феномен внутренней финансизации экономики, совершенно для экономики необходимый. Но финансы способны занимать и ведущее место в экономике, в ней не просто участвуя, а и ведя её, превращая экономику с финансами в *финансовую экономику*, что в конце концов и произошло в реальности. Нынешняя развитая экономика - *финансовая экономика*!

С превращением экономики с финансами в финансовую экономику, или финансомику, произошло и превращение стоимости в *суперстоимость*, отличающуюся не просто своей надхозяйственностью (выведением за пределы собственно производственного процесса и укоренением в надстрочной позиции), но и возможностью быть и реализоваться уже непосредственно из себя, разумеется, через посредство соответствующих финансовых агентов. И уже казалось, что явилась возможность чуть ли не тотально контролировать стоимость, а вместе с нею и всю экономику, избегая рыночных неурядиц и кризисных потрясений, ожидаемых банкротств и неожиданных крахов. Однако возымело место кое-что обратное: к обычному внутрихозяйственному своеволию стоимости (более всего апостериорному) добавилось своеволие, так сказать, необычное, уже надхозяйственное (непосредственно априорное), закладываемое прямо с момента выхода стоимости, занявшей позицию сверхстоимости, в экономический мир.

К проблемам внизу и снизу добавились проблемы вверху и сверху. Возможность «делать» виртуальную стоимость наверху, вмняя её в экономику сверху вниз, открыла и возможность «делать» и стоимостной производ, тоже вмняя его сверху вниз, а в итоге получилась *суперстоимостной суперпроизвод*. К естественному, скажем так, стоимостному производу добавился производ искусственный, а проектирование экономики сверху и из центра обернулось не менее проектируемым дополнительным производом. Яркий пример всего этого - доллар, произвольная его победа по итогам Второй мировой войны и всё дальнейшее произвольное доллароотправление: от хорошо продуманной Бреттон-Вудской авантюры до плохо продуманных авантюр сегодняшних дней, временных каким-то совершенно уже выдающимся, прямо-таки апокалиптическим, долларо-финансовым катаклизмом.

В идейно-концептуальном плане стоимость нейтральна, но она совсем не нейтральна в функциональном отношении, ибо она, будучи сотворённой человеком, творится и сама, следственно, и сама творит, а потому имеет свои практические интенции и решения, именно *свои*, а не чьи-либо ещё, ибо стремится к *своему собственному* выживанию-воспро-

изводству, хотя она, будучи субстанцией, не есть какая-то плотная масса, нуждающаяся в своём массовидном сохранении и утверждении во времени. Это никакая не «плотская» масса, а что-то вроде... творящего вакуума, выживание-воспроизводство которого как раз и означает сохранение и удержание своих необыкновенных информационных, организационных и управленческих способностей. Произвол субъектов стоимости, который не только неизбежен, но и необходим, смыкается с произволом самой стоимости, который тоже неизбежен и тоже необходим, а потому экономик надо прежде всего рассматривать как в основе своей *произвольный* или же *произволческий* феномен-механизм, ограничивающий и затрудняющий обычную рациональность и проективность, умело для себя маневрирующий и легко разбивающий всякие умные и фундированные экспертные оценки и прогнозы. Предвидение той же погоды сегодня гораздо точнее и эффективнее любого глобального экономического предвидения, ибо погода, по большей части всё-таки физика, а экономика, увы - метафизика, которая, кстати, вовсе не только где-то там - в экономических (стоимостных) глубинах, а и прямо здесь, на поверхности - в деньгах, ценах, кредитах, инвестициях, ценных бумагах, во всём наполняющем экономик конкретном экономическом.

* * *

Рождённая человеком по мотивам хозяйственной пользы, экономика, казавшаяся долгое время лишь нейтральной благотворительницей, заняла в конце концов доминирующее положение в хозяйственном бытии человека, а главное - в реализации эксплуатационного момента, особенно свойственного цивилизованному человечеству, выйдя ничтоже сумняшеся, на ведущую роль во всём человеческом жизнеотправлении. Произошло это, конечно, не сразу, а лишь по свершении западноевропейской ренессансной революции, составной частью которой, наряду с религиозной, идеологической, научной и политической, стала *экономическая революция*, давшая ход развитию адекватной ей *экономической цивилизации*.

Экономическая революция, окончательно и бесповоротно победив цеховой строй городского ремесленного хозяйства и феодально-крестьянский уклад сельской жизни, использовавших экономик, но её ограничивавших и сдерживавших, дала простор развитию экономики в капитальной форме, ибо религиозно-идеологическая революция сняла всякие идейно-этические ограничения с денег, торговли и ростовщичества, а следственно - с капитала как такового, стремившегося к хозяйственной свободе, деловой инициативе и неограниченному расширению. Овладение капиталом сферой труда и творчества, подкреплённое накоплением баснословных богатств и безграничным расширением рынков в ходе и в результате великой колониальной экспансии (по итогам Великих географических открытий), позволило экономике, уже в капитальном образе, захватить

приоритет в хозяйственном бытии человека, а вместе с наукой и техникой и в развитии человечества - от природы к неприроде - называемом обычно *прогрессом*.

Не будет большим преувеличением сказать, что ничего существенного в человечестве со времён экономической революции уже без экономики, без денег, без капитала, без экономического расчёта, без экономической эксплуатации не происходило - и это несмотря на то, что в подавляющей мере человеческое жизнеотправление никогда не являлось и сегодня тоже не является экономической, мало того, экономике значительно, если не коренным образом, противоречит и противостоит.

Отсюда постоянная, провоцируемая прежде всего экономикой, борьба - борьба экономики с неэкономическим контекстом, которая есть проявление конкurentной, экспансионной и в общем-то агрессивной природы экономики, - и борьба эта по сию пору сопровождается, вполне и коварно, победами экономики, хотя экономике постоянно оказывается сдерживающее и корректирующее сопротивление.

Экономика экономизирует хозяйство, под себя подминает, рулит хозяйством, а хозяйство сопротивляется экономике, выдвигает ей свои условия, заставляет учитывать неэкономические интересы и обстоятельства, пытается ослабить чересчур назойливую и плотную опеку экономики, а при необходимости и случае идёт на её тотальное удержание в подчинённом положении, возрождая доренессансную хозяйственную практику, сдерживая и даже отменяя капитал. Так было, в частности, в СССР, где хозяйство не было в полном смысле слова экономическим, где экономика, занимая явно подчинённое положение, лишь обслуживала хозяйство, бывшее в основе своей натуральным, когда деньги поставлены на службу неэкономическому началу, а стоимость находится в явно связанном состоянии. Хорошо это было или не очень, но диктатура хозяйства над экономикой имела тогда пусть временные и неполные, но воистину фантастические результаты - из аграрно-индустриального хозяйства раннего СССР в научно-индустриальное, ещё и аэрокосмическое, хозяйство зрелого СССР - и всё это за какую-нибудь полсотню лет, включая разорительную и по-своему созидающую мировую войну!

Ограничение экономики в принципе возможно, оно даже необходимо - и не только в экстремальных обстоятельствах - но... всегда до некоторых пределов: рано или поздно слишком зажата сверху и из центра экономика берёт своё, освобождаясь от сдерживающих её искусственных уз, ибо нет никакого иного более успешного способа достигать в среде цивилизованного человечества постоянного и максимального производительного эффекта, как и целостного хозяйственного процветания, кроме как на путях достаточно свободной, энергичной и инициативной экономики, правда, ежели творческое хозяйственное начало присутствует и себя эффективно

реализует и в среде самой по себе экономики. Нельзя, разумеется, ни поклоняться истово экономике, как это делает обычно её финансовая «служба», ни пренебрегать экономикой, как это бывает свойственно хозяйственному авторитаризму. Без денег нельзя, но и с деньгами весьма рискованно! Отсюда всё-таки гибкий контроль надо всем стоимостным, следовательно, и надо всей экономикой - со стороны не так даже экономического, как хозяйственного и хозяйствующего *центра*, и контроль *властный* (экстраординарный), а потому и *государственный* (с правами, обязанностью и ответственностью), а потому и национальный (целевой и содержательный), - а если вдруг *глобальный* (общепланетарный), то не из единого властного мирового центра, который, судя по опыту США, для всех не очень приемлем, не так уж эффективен, весьма рискован и вряд ли вообще возможен, а из центра *межнационального*, всему сонму наций подотчетного и по своей основной функции не более чем координационного.

Экономика, однако, разрослась, расцвела, разохотилась! Она не просто везде и всюду, не просто господствует надо всем хозяйством, она в полном смысле слова царствует, не только управляя и командуя, но и обращая сам *мир человеческий* в *мир экономической*, причём не по признакам и мотивам только, а прямо по самой сути - в мир стоимостной, счётно-расчётный, оцифренный и обчисленный, соответственно и обцененный, в мир-стоимость, в мир-цену, в мир-«денегу», в котором стоимость не элемент вовсе, не часть и даже не подсистема, а объёмлющая всё и вся, вполне и сакрализованная, субстанция - свободная, независимая, своевольная, даже и не субстанция как таковая, а машина, организм, зверь!

Экономика - не совсем хозяйство как таковое, хотя это и хозяйство, разумеется, очень особенное: экономика, скорее, какая-то сверхъестественная сила-система, возбуждаемая, организуемая и используемая вроде бы человеком, но уже и сила-система нечеловеческая, как и надхозяйственная, причём настолько, что власть человека над этой силой-системой с неизбежностью уступает власти этой силы-системы над человеком, что заставляет человека хозяйствующего не просто считаться с экономикой, но и подчиняться ей, причём не только её операциональным решениям и функциональным интенциям, но и самому её историческому потоку, находящему выражение в феномене безграничного *экономического накопления*. Отсюда и самый настоящий *экономический гон* - за деньгами, за богатством, но и за... *избыточностью!*

Давно уже став сверхъестественной, экономика гонит человека по пути *сверхъестественной сверхизбыточности* - благ, вещей, услуг, богатства, доходов, потребностей, произвола, потребления, производительности, нововведений, скоростей, перемещений, сооружений, городов, цивилизации, права, политики, информации, науки знания, литературы, искусства, массмедиа, спорта, гламура, моды, как и, разумеется...

пустоты, симуляций, наконец - и самих умело опустошённых людей-симулякров. Это избыточность исторического порядка - по отношению уже ко всей планете, ко всей жизнетворной природе, ко всему витальному пространству-времени, к отдельному человеку и человечеству в целом. Это уже явно *эсхатологическая избыточность*, за которой не может не проглядывать что-то вроде давно ожидаемого Страшного Суда или пресловутого Конца Света.

Однако никакая катастрофа, кроме явно космической, экономическому, ставшему уже избыточно потребительским, человеку, не страшна, ибо он уже попал в то особое состояние, которое можно было бы назвать *экономико-потребительской амнезией*, спровоцированной и закреплённой не чем иным, как самым настоящим *глобальным экономическим чудом*. Да, экономика и в самом деле чудесная вещь (от вести), это не какое-нибудь натуральное хозяйство, ограниченное и консервативное, ещё и сопровождаемое вынужденным аскетизмом; экономика - хозяйство великого беспредела, ни в чём не знающее и не испытывающее границ, в том числе и по азимуту потребительского гедонизма.

Экономика сама давно уже *избыточна*, даже для *себя самой*: в деньгах, капиталах, затратах, доходах, инвестициях, кредитах, ценных бумагах, но так же и в разного рода оценках, в ценообразовании, в банках, а также в предприятиях, фирмах, институтах, в рынках, сделках, покупках и продажах, равным образом, в менеджерах, бухгалтерах, аудиторах, посредниках, экспертах, консультантах, контролёрах, инспекторах, надзирателях, прокурорах, судьях, адвокатах, как и в счетах, договорах, обязательствах, лицензиях, соглашениях, регистрациях, не говоря уже о контрабандистах, ворах, бандитах, пиратах, мошенниках, фальшивомонетчиках и прочем сброде, охотно прилипающем к благоточивому экономическому древу.

Уже всё в людском мироздании, или почти всё, однежено, обценено, продано или подлежит продаже, как и закуплено или подлежит закупке: земля, леса, недра, влагонсточники, острова, жилища, водоёмы, берега, достопримечательности, даже и места святые, не говоря уже обо всём текущем индивидуальном, семейном или коллективном жизнеотправлении. За всё надо платить и платить деньгами, а деньги... что деньги?... вовсе уже не какие-то реальные вещи, вроде золота, а совершенно преральные фикции, заявляющие о себе посредством назначаемых сакрализованных цифр, но зато... субъектно и субъективно контролируемых и управляемых, пусть и не абсолютно, пусть и не полностью, но всё-таки какому-то волевому центру-кластеру достаточно подвластных, для чего и культивируются вокруг денег такие «штучки», как лживые идейно-информационные атаки, властный деспотизм, изощрённый обман, фальшивая заданность.

Деньги давно уже *криптоденьги*, о которых общирному экономическому свету ничего достоверно не известно, и цены тоже в основном уже *криптоцены*,

образование которых покрыто непроницаемой тайной, да, собственно, и всё остальное в экономике существенно задето конспирацией, вполне, знаете ли, оправданной. Экономика - тайна, а уж нынешняя - сверххозяйственная, виртуальная, фиктивная, симуляционная, глобальная и особенно конспиративная - тем более!

Нет, экономика вовсе не так свободна и открыта, как кажется, хотя и весьма своевольна, во многом непредсказуема, по-своему и капризна, но главное - она достаточно закрыта и законспирирована, - и никто, ни один экономический субъект, проворачивающий дорогой его уму и сердцу бизнес, не говоря уже о могущественных магнатах и олигархах, не заинтересован в свободной, открытой и воистину явленной экономике, - *никто!* Экономика - тёмное дело, вовсе не такое уж ясное и доверительное, - тут ведь сплошная *конспирология*, которая сама по себе ни хороша, ни плоха, но которая просто есть и, что самое важное, не может не быть! Быть экономическим субъектом - быть удачливым конспиратором, - в противном случае ни тебе бизнеса, ни тебе успеха, ни тебе дохода!

Экономическая конспирология - необходимая, потребная, вынужденная; сознательная и бессознательная, иной раз и вполне объективная; деловая, управленческая, организационная; и при всём при этом совершенно онтологическая, в немалой степени и метафизическая, и трансцендентная. Экономика в связи с этим - не просто сложный объект для изучения и исследования, несмотря на вроде бы сплошной фактологический (статистический) мониторинг, а объект ловко, упрямо и непрерывно ускользающий от заинтересованно постигающего его сознания, даже и сознания исключительного по осведомлённости, информированности и властной оперативности, не говоря уже о сознаниях вольноопределяющихся экспертов, заносчивых консультантов и благопристойных профессоров.

Недаром же по одному и тому же предмету или вопросу высказываются совершенно разные экспертно-профессиональные мнения; недаром же все значительные события в экономике, как правило, «случайны», «внезапны» и «коварны»; недаром же об экономике как не было так и нет адекватного научно-теоретического представления; недаром же математика споткнулась об экономику, создавая модели никак не ложащиеся на предмет, от него почтительно удалённые; недаром же вся экономическая политика есть не более чем игра в пробы и ошибки; недаром же переходные процессы в постсоциалистическом мире 1990-х побили все рекорды по отвержению любых научно-экспертных истин (и деньги, как оказалось, могут быть любыми, и валютные курсы, и цены, и ссудные проценты, и доходы, и расходы тоже, как и экономика в целом может быть любой); недаром же американские модели экономики и экономической политики конца XX и начала XXI в. есть не что иное, как хорошо организованный

экономический абсурд, держатся на «финансовом авторитете» и пресловутой экономической, а на самом-то деле всего лишь военной, политической и технологической мощи США.

Быть удачливым экономическим субъектом - быть особого рода метафизическим стратегом, имеющим дело с какой-то играющей с ним, ему полностью неподвластной и весьма непокорной, но зато своенравной и своевольной... *неизвестностью*, мало того - с тайной, наверное, с тем самым невидимым *Левиафаном*, обладающим изощрённым «интеллектом», но не имеющим обнаруживаемой и ухватываемой формы. Вот она - *метафизика экономики*, которая, никак не отрицая феноменологии и фактологии экономики, заявляет, что всё самое главное и решающее в экономике восходит к её внутреннему трансцендентному *ничто* - невидимому, неосязаемому и никак, кроме метафизического вчувствования, не моделируемому.

Хозяйственный опыт СССР, его тотального планирования и директивного управления производительными агентами, включая планомерную организацию и её экономическую оформленность, показал, что хозяйствовать плано-административно можно, даже на некоторое время активно развиваясь, но в глубоком стратегическом аспекте это всё-таки неприемлемо: вытеснить метафизику из экономики, заменив её тщательно организованной физикой, возможно, но на краткий мобилизационный срок, достигая при этом и весьма крупных результатов, но удержать данную ситуацию надолго и с необходимой хозяйственной эффективностью всё-таки нельзя - и это тем более убедительно, что всякое чрезмерное вытеснение экономической метафизики оборачивается нарастанием отрицательной хозяйственной метафизики, что находит выражение в таких непреодолимых без содействия свободного экономического начала феноменах, как падение заинтересованности в труде и творчестве, снижение производительности, замедление и даже остановка развития, консервация отсталости.

Вот и выходит, что экономика - вещь необходимая, без неё в сфере цивилизованного человечества никак нельзя, но совсем уж вольной экономики быть в цивилизованном мире не должно, ибо у неё самой никакой гуманитарной стратегии нет и быть не может, а собственное стремление человека вперёд и вширь полно опасной неопределённости и громадного риска, как не должно быть и эгонистически управляемой экономики, нацеленной на интересы малой части населения в ущерб большой его части, что то же самое - эксплуататорской экономики, что, правда, не мешает экономике быть на практике как чрезмерно самоуправной, так и устойчиво паразитарной.

Экономика - постоянно запускаемый и непрерывно работающий социомеханизм. Запускаемый

экономическим человеком вкупе со стоимостью и работающий при посредстве и под управляющим воздействием денег (капитала) и вездесущих, меняющихся, переливающихся друг в друга оценок (цен). Деньги работают как стоимостные массы (оцененные потоки) и как средство товарных оценок, возникновения оценочных сигналов, образования цен. Ничего без оцененных денег и ничего без оценочных цен! В итоге денежные потоки приводят в движение весь хозяйственный процесс, а цены регулируют как эти денежные потоки, так и весь этот хозяйственный процесс.

В экономике нет постоянной «золотой» величины, а есть только величины текущие, переменчивые, неустойчивые, причём заложенные в них стоимостные значения не привязаны строго к действующим (легальным) номинальным величинам. Всё подвижно в экономике, всё относительно, всё моментно! И всё при этом с роковой неизбежностью избыточно. Избыточность столь же органична экономике, как и её стоимостная подвижность. Именно избыточность и как раз стоимостная, делает экономику... достаточно устойчивой, следственно, и в принципе возможной. Избыточность - сила, пресс, мощь, удерживающие экономику в воспроизводственном состоянии, мало того, дающие ей возможность структурно и качественно изменяться, расти и развиваться.

Избыточность - не девиация, не нарушение, не болезнь, а норма, она же и резерв, столь же необходимые, насколько необходимой в экономике является та же стоимость. Экономика - это производ, умериваемый тем же произволом, как и, разумеется, обстоятельствами, среди которых ведущую роль играет не что иное, как раскатываемое экономикой *хозяйство*, само реальное жизнеотправление человека. Именно хозяйство делает экономику сообразной хозяйству и даже самой себе, конечно же, в постоянной взаимной тяжбе и в ходе непрерывных взаимных коррекций. Хозяйство - бесконечное разнообразие качеств, экономика - бесконечное качественное однообразие. Однообразие стоимости, денег, цен, капиталов. И именно хозяйство задаёт экономическому однообразию бесконечное количественное разнообразие. Разность цен в основе своей от хозяйства, а не от экономики, а вот конкретная величина цены немало уже зависит от экономики.

Хозяйство не любит произвола, оно навязывает экономике жизненную целесообразность, а экономика, наоборот, полна произвола, а потому способна действовать вопреки жизненной целесообразности. Экономика призвана удовлетворять потребности хозяйства, что она в основном и делает, но экономика навязывает хозяйству и свои условия, всегда образуя зону вне- или надхозяйственного экономического произвола, в рамках которой велико значение чистой экономики, на себя саму замкнутой экономики, можно сказать - *сверхэкономики*. Хозяйство тянет к жизни, её воспроизводству, экономика же, участвуя в этом законном стремлении хозяйства к жизни, способна

вызывать и обратное движение - к нежизни, если не прямо к смерти, когда экономика смущает и спугивает хозяйство, подчиняет его нежизненным задачам.

В экономике заложена великая потенция к *самовозрастанию*, получившему отражение в таком понятии, как *накопление* - денег, капитала, а вместе с ними и любого неденежного, некапитального богатства. Нет ничего проще и привлекательнее накопления абстрактного богатства, выраженного лишь деньгами (цифрами, числами, величинами), как раз того самого богатства, легко превращаемого в любое натуральное. Сложнее и менее привлекательно пускать деньги, капитал в хозяйственный оборот, опять же увеличивая денежное, а за ним и любое иное неденежное богатство. Экономика - мощнейший мотор хозяйства, влекущая вперёд сила. И не имеет принципиального значения, во что конкретно вкладывать деньги, в какое конкретное хозяйство, лишь бы это вложение было успешным, доставляющим новые деньги. И вкладывать можно в принципе любые суммы, лишь бы они были приняты реальным хозяйственным оборотом и опять же принесли бы реальный доход.

Умело оборачиваясь, капитал способен расти и расти, обогащая своего владельца-манипулятора, обычно величаемого предпринимателем (бизнесменом), а при возможности и менять образ бытия, да не только отдельного капиталиста, а и общества в целом. Экономика - вернейший стимулятор социохозяйственных перемен, перехода от одного типа жизни к другому, построения и освоения нового и ранее небывалого. Экономическая цивилизация - цивилизация непрерывного и всеобщего обновления! Разумеется, при условии, ежели обладатели денег, капитала, финансов, заинтересованы в их постоянном хозяйственном обороте, сопровождаемом эффектом самовозрастания, то же самое - в предпринимательском использовании денег, капитала, сопровождаемом и любым приемлемым *новаторством*. И тут важно заметить, что предпринимательство несёт в себе не одну жажду накопления, но и удивительное стремление к переменам, выходящее за рамки экономического накопления и восходящее к природе не экономики как таковой, а самого хозяйствующего с помощью и в лучах экономики человеческого сознания.

Человеку в природе почему-то очень неймётся! Наверное, вследствие какой-то всё-таки неприродности человека, его сознания, а потому заложенного как-то и почему-то стремления человека за пределы природы - к неприроде, ему совершенно неведомой, но почему-то страстно желаемой! Неприродность человека и неприродность его хозяйствования - от природы к неприроде! Природа - тенеты, неприрода - простор! Экономика, между прочим, тоже ведь неприродна - деньги, цены, капитал, инвестиции, кредиты... причём тут природа, когда всё это экономическое совершенно неприродно, внеприродно, сверхприродно, а с позиций природы и попросту нелепо?

Разве вся экономическая игра, весь экономический счёт, все экономические алгоритмы природны? Отнюдь! Они все абсолютно неприродны. Столь же неприродно и творчество человека, рождаемое не природой вовсе, а сознанием, рефлексией, воображением, галлюцинацией, в общем - какой-то заведомо неведомой и суперстранной неприродой!

Не природа вовсе, а как раз неприрода господствует в человеческом хозяйстве - что через экономику, что через технику, что через науку с искусством - и результат человеческого хозяйства по большей части неприродный, как и всякого рода необыкновенные блага, и чудесные сооружения, и даже сам парадоксальный образ жизни цивилизованного человека. От материала природного и разных природных обстоятельств, конечно, человеку никуда не уйти, но продукты человеческие всё-таки во многом уже неприродные - что природного в каком-нибудь топоре, в автомобиле или в той же книге? Да, человек способен вообразить то, чего нет в природе, он способен так преобразовать материал природы, что создаёт то, чего нет в природе, а в итоге человек способен создавать, если не нагромождать рядом с природой, при её вольном или невольном попустительстве, а по преимуществу, видно, ей вопреки, вполне целостную неприроду, огромный искусственный мир, да и сам при этом становится всё менее природным и всё более искусственным. А экономика тащит всю эту искусственность вперёд, в даль, в неизвестность, не прекращая одних человек делать богатыми, властными и в себе уверенными, а других... бедными, зависимыми и даже себе ненужными, и всё это при непрерывной эксплуатации одних людей другими.

Экономика - величайшее по простоте, сложности и затейливости изобретение хитроумного человечества и не самого, заметим, добропорядочного! Что же означает вообще стремление человека хозяйствующего *от природы к неприроде*, причём стремление на удивление сильное, прорывающее любые преграды и препоны, в том числе и идейно-ограничительные, даже идейно-запретительные, не без услужливой, надо особо подчеркнуть, помощи экономики, исходно враждебной всяким ограничениям и запретам, хотя и считающейся на практике с вынужденной для себя несвободой? О-о, это стремление означает очень многое и, заметим, самое главное, ибо сочетается оно прямо со всей историей человеческой, со всем несравненным (не с чем тут сравнивать!) бытием человека, со всеми его непревзойдёнными достижениями, потерями и невзгодами, со всем огромным экзистенциальным риском, со всей неотступной эсхатологической угрозой.

Человек - этот, по-видимому, не совсем законный сын природы, как и, наверное, не самый оправданный сын трансцендентной неприроды (иномирья), - стремится, живя и хозяйствуя, к чему-то... *инотриродному*, во всяком случае, к чему-то *инотриродному*, возможно, и к какой-то вполне трансцендентной неп-

природе - то ли прародительской, то ли всего лишь предстоятельной, во всяком случае, к какой-то *неведомой неприроде*, а это, согласимся, и заманчиво, и рискованно, и героизменно, и величественно, как, собственно, и небезопроблемно. Ведь ставкой тут служит уже не более не менее как... сам человек, не говоря уже об окружающих человека мире, жизни, природе! А экономике, которая в реальности уже не только *сверхэкономика* (финансо-финансовая экономика, финансовика, финансомика), но и *гиперэкономика* - избыточная, избыточная, чрезмерная, которая уже в изначалье своём в своей сердцевине совершенно *виртуально-информационная*, мало того - выдуманная, фантазийная, фиктивная.

Экономика теперь - большая виртуально-информационная игра, не слишком заботящаяся о реальности, которую она сама уже по преимуществу и создаёт, но зато полная счётно-расчётной магии, как и преданной давно уже доминирующей над производительной реальностью финансовой ирреальности. Гиперэкономика, будучи и сверхэкономикой, производит в изобилии фиктивные деньги, цены, капиталы, кредиты, доходы, те самые, которые не *от* реальности, а *помимо* реальности, как и *на* реальность, не столько адекватные реальности, сколько ей навязываемые (не так от неё взятые, как ей вменённые), те самые фикции, которые и саму реальность делают... фикцией - затейливой, прельстительной, беспредельной, как и игровой, инновационной, калейдоскопической.

В отрыве стоимости от реального хозяйственного процесса нет ничего необычного, но одно дело, когда стоимость всё же обращена к реальности, ища реалистичного себя применения, совсем другое, когда стоимость «заточена» исключительно на саму себя, полагая реальность уже вполне производной от самой себя. И если когда-то речь шла по преимуществу о количествах денег, капиталов и кредитов, соответствующих потребностям реального хозяйственного процесса, а наличие стоимостных излишков рассматривалось как что-то недоброкачественное и в общем-то недопустимое, то в гиперэкономике всё выглядит совершенно иначе: количество стоимостных элементов может быть практически любым, а если оно и как-то ограничивается, то не хозяйственной реальностью, а лишь самой стоимостной (финансовой) ирреальностью.

Деньги эмитируются сегодня более всего под потребности финансовой ирреальности, относящейся к транзакциям, посредничеству, перераспределению, а не под потребность реального производства и необходимого товарообмена. Отсюда возможность обращения совершенно фантастических денежных масс, никак не обусловленных производительной реальностью, но зато обслуживающих вторичные, третичные и т. д. финансовые операции, осуществляемые ради... самих этих финансовых операций. Финансы производят финансы, а стоимость сама, уже в пределах стоимости, оказывается не более

чем умножающейся фикцией. С классической точки зрения здесь уже царит самый настоящий абсурд! Однако с постмодернистской точки зрения здесь... вовсе не абсурд, точнее, это тот самый абсурд, который и есть сама потребная ныне реальность. Последняя уже не может быть иной, кроме... как абсурдной!

Экономический абсурд - величайшее достояние современности! И вот этот-то абсурд обязана проглатывать хозяйственная реальность, сама активно и неуклонно превращающаяся во что-то с классической гуманитарной точки зрения абсурдное. Абсурд теперь - сама онтология и есть, ибо экономическая рациональность, которой всё ещё обучают в университетах, давно уже поглощена откуда-то снизу и сбоку явившейся иррациональностью, отчего экономический расчёт есть всего лишь самого себя удовлетворяющий расчёт (вместе, разумеется, с бухгалтерами и проектантами, его ведущими), а производительная реальность вынуждена довольствоваться своим собственным экономическим расчётом, кое-как пробивающим дорогу сквозь лабиринты экономического абсурдизма.

Современная экономика - глобальная экономика. Все это ныне знают, на не все это достаточно понимают. Что значит глобальная? Нет, нет, вовсе не то, о чём думает сегодня всякий университетский грамотей, а нечто совсем другое: это экономика... э-э... как бы тут поприличнее выразиться... да, пожалуй так... это... *экономика бездны!* Что значит в данном случае «бездны»? А то и значит, что без... «дна» - без остова без границ, без сдерживающей целостности. Гигантская, расплывшаяся на весь земной шар, амёба, внутри которой кишмя кишат экономические акторы, они же и актёры, каждый из которых разыскивает свой чудо-гешфт, - это уж кому какой достанется: от мириад скудных выплат до исключительных олигархических хапков. Тут всё вроде бы неплохо организуется, продумывается, рассчитывается, что-то и самоорганизуется, самовозникает и самопропадает, а потому бездна здесь - вовсе не господство полной стихии, не всеобщий беспорядок, не крутая анархия, а что-то совсем другое... это... какое-то особого рода *состояние-движение*, дающее, с одной стороны, возможность невероятных возможностей, а с другой - возможность неотвратимых потребностей, причём то и другое как следствие вольноопределяющейся, вполне и метафизической, неопределённости.

Можно сказать, что это состояние-движение в неустанный разнос, как и состояние-движение тотального безумия, наконец, это апокалиптическое состояние-движение, когда в недрах экономики, её глубинах, усиленно реализует себя какая-то монструозная *энергия своеволия*, неподвластная ни человеку-субъекту, ни любой социальной системе. В итоге экономика обретает образ чуть ли не чудотворной силы, ни перед чем не останавливающейся и во все стороны удачливо летящей, даже по азимуту самой невероятной невероятности: достаточно лишь пов-

нимательнее посмотреть на массы денег, кредита, долгов, инвестиций, на размеры цен, доходов, бонусов, на объёмы и динамику товарных рынков или рынков ценных бумаг и т. д. - всё здесь гипертрофировано, всё бьёт по воображению, всё поражает и ничто не подлежит общечеловеческому пониманию и объяснению, разве лишь бесконечному и бессильному осмеянию! Да, это экономика ради экономики, когда экономическое начало служит самому себе, развёрнуто по вектору собственных интересов.

Высокотехнологический характер современного хозяйства, его высокая реальная производительность, как и великолепная деловая организация, позволяют экономике не только умело обслуживать хозяйство, не только его успешно эксплуатировать, но и, пребывая как бы в надхозяйственной сфере, заниматься собою и только собою, эйфорически разыгрывая потрясающие любую людскую зловредность грандиозные экономические спектакли. Однако есть ведь то, что принято называть ходом вещей, что происходит само собой, что ничему сознательному неподвластно, что не «заточено» ни на закономерность,

ни на случайность, что даже и к чуду не имеет отношения, - и вот этот-то «самоход» и тащит куда-то упорно всемирную экономику - в ту же избыточность, в тот же паразитизм с гедонизмом, в ту же убаюкивающую неизвестность, наверное, и в подкрадывающуюся безысходность, откуда лишь один, надо полагать, выход - в *постэкономике*, но вовсе не «плановый» выход, а заразительно коллизионный - с потерями, крахами, паниками, бегствами, драками и сражениями, в общем, выход разномерный, болезненный, тягостный, пожалуй, что и агрессивный, и авторитарный, и тоталитарный, одним словом – армагеддонный.

Нынешняя экономическая эйфория – опаснейшая вещь, и опасна она даже не столько надвигающимися катастрофическими последствиями, сколько неуклонно раскручивающейся в виде упругого водоворота экзистенциальной (и антихозяйственной!) бездной, в которую так ловко и быстро втягивается уже всё планетарное человечество, а не одна лишь его хай-тековская прогрессивная часть.